

Зоя В. Елисеева

*Девушка
из штата
Калифорния*

Зоя В. Елисеева

Девушка из штата Калифорния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096199

ISBN 9785448551536

Аннотация

Учительница английского языка приехала в США и случайно вышла замуж за три недели. Неунывающая Зоя весело рассказывает о тех трудностях и приключениях, что ей пришлось пережить в Америке. Заодно с рассказами подучите некоторые слова и выражения, которые автор узнала уже в Калифорнии. Книга читается на одном дыхании. «Как с подружкой поговорила» – написала работница Минского центра по иммиграции о книге.

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Девушка из штата Калифорния

Зоя В. Елисеева

© Зоя В. Елисеева, 2017

ISBN 978-5-4485-5153-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Никогда в жизни не писала никаких рассказов, или сочинений, кроме школьных и университетских, но обстоятельства, как говорится, заставили. Мне тридцать шесть лет. Окончила английскую школу в одной из прибалтийских столиц бывшего Советского Союза. С восемнадцати до двадцати трех лет ходила замуж (не очень удачно) и поступила на английское отделение иняза. В двадцать девять лет получила в университете диплом филолога и преподавателя и стала обучать английскому языку других. Работа понравилась: язык люблю, группы маленькие, люди взрослые, сознательные, платят приличные деньги за учебу, а значит, и слушают внимательно. Студенты меня всегда любили, так как я люблю пошутить (что вы сейчас, надеюсь, оцените по достоинству)

До тридцати шести еще раз ходила замуж. Во второй раз муж попался толстый, огромный, буйный, когда выпьет (а это с ним бывало частенько). Короче – не то. Ушла я от него через полгода, оформив развод, поехала в Америку поучиться на две недели. Поехала не просто так, долго переписывалась с богатеньким американцем сорока восьми лет (трое взрослых детей от прежних браков) из Лас-Вегаса. Письма слал – зачитаешься! Открытки заморские и бандероли с небольшими презентами не успевала получать, и вдруг –

как отрезал! А я-то, простая душа, совсем было привыкла к его письмам и к его богатству... Увы! Видно на роду не написано познакомиться с этой стороной жизни поближе.

Восемь месяцев перед визой работала как лошадь. Заработала на дорогу и двухнедельную учебу с accomodation (жилем). Так как моя «мечта» из Лас-Вегаса растаяла, коллега подкинула мне адресок какого-то сорокалетнего американца из Лос-Анджелеса. Написала за три недели до отъезда. Он через неделю позвонил и сказал, что ужасно рад предоставляющейся ему возможности встретить меня в Лос-Анджелесе. Его письмо с фотографией я так и не получила – пропало. Кстати, из практики переписки: если конверт большой, красивый, топорщится – явно не дойдет. Вот у него, видно, топорщился – и не дошел.

...Тот, кто встречал меня в Лос-Анджелесе в двенадцать часов ночи, оказался на вид индейцем, но армянского происхождения, ниже меня ростом (я – сто шестьдесят семь см) и с большим букетом цветов в руке. Он там один стоял с цветами. Я почему-то подумала, что это меня встречают, и не ошиблась.

Сверху он был как бы лысоват, а так, вообще-то, волосы густые, черные, волнистые и длинные. Вот такой меня встретил добрый человек на противоположном конце полушария. А летела я в общей сложности двадцать семь часов, без сна, нервничала, и выглядела поэтому теперь не лучшим образом. И словно в довершение моих мытарств, выяснилось, что

не дошел мой единственный чемоданчик. Затерялся где-то между Франкфуртом и ЛА. Мне сразу стало так тепло и радостно на душе! Да, забыла еще одну бодрящую деталь: мое жилье начиналось со следующего дня, так что эту ночь мне предстояло провести неизвестно как.

Слава Богу, полуиндеец-полуармянин оказался гостеприимным – снял мне номер в какой-то гостинице неслабой, в центре где-то. Домой не приглашал, сказал, что строгие мама с папой. Я, правда, подумала, что строгая у него, скорее всего, жена, но это его проблемы. Я-то ему страшно благодарна за то, что утром заехал за мной и заплатил семьдесят пять долларов, удивившись, что так мало взяли за такой хороший отель. И снова отвез меня в аэропорт, где ничего утешительного о моей пропаже я не узнала. Потом он меня повозил по ЛА (Лос-Анджелес, так его называют калифорнийцы), по каким-то магазинчикам, где я прикупила себе кой-чего необходимого, после чего доставил меня в host-family, американскую семью, где мне предстояло провести две недели. За что ему опять-таки большое спасибо, поскольку расстояния тут сумасшедшие, и мне никаких денег на такси не хватило бы. И больше я его никогда не видела.

Дом, где я жила, произвел на меня неотразимое впечатление изысканностью удобств, и я поняла, что мне очень бы хотелось остаться в Америке подольше, чем две недели. К тому же практиковать язык мне было не с кем. Хозяин с интересом посверкивал глазками в мою сторону, и я почти пере-

стала общаться с ним и его женой, чтобы не нарушать спокойствие чужой семьи.

Но Бог все-таки услышал мои молитвы о том, как мне бы хотелось остаться подольше, и послал мне на шестой день моего пребывания молодого симпатичного американца, на пять лет моложе меня, и ни разу не женатого. Он приехал проверять наш бассейн (он химик по специальности).

Мы с ним разговорились у бассейна «за жизнь», и он застенчиво пригласил меня на lunch (ланч). За ленчем, в каком-то небольшом ресторанчике, я ему сбивчиво рассказывала о том, что не прочь бы была выйти замуж за богатого американца, а про себя, глядя в его большущие черные глаза, в конце ленча решила, что богатого неизвестно где искать, а этот очень даже хорошенький. Будучи восемь месяцев после развода с русским буйным мужем, я была явно готова к новым отношениям.

Через неделю он перевез все мои вещи к себе (он снимает дом пополам с иранцем, который семнадцать лет живет в Америке и по-английски говорит хуже меня, хотя понимает, видимо, больше). А еще через три недели мы поехали в Лас-Вегас (четыре-пять часов езды на машине) и там поженились. Именно там это делается очень быстро, в любое время суток и в любой день недели. Новобрачные стекаются туда со всех концов Америки, как паломники к святому месту. Два дня мы жили в роскошном отеле, пропадали в казино. Да что говорить, Лас-Вегас – это сказка! Первые два месяца

я летала как на крыльях: Америка, хорошенький муж и т. д.

Теперь я уже здесь четыре месяца, и мои крылья стали постепенно облезать из-за проблем, которых, как выяснилось, немало. Муж мой поостыл, не сильно, но поостыл. У него зарплата среднего американца, как раз хватает на то, чтобы оплатить дом, ежедневные расходы, иногда съездить к друзьям или сходить в недорогой ресторанчик. Выйти-то я замуж вышла, но замужество надо подтверждать через два года после подачи документов в иммиграционную службу (immigration service). А документы я еще не подавала – пока маме написала прислать все недостающие документы, пока здесь их перевели, взяв за каждую бумажку в три строки по пятьдесят долларов. Я ведь сама могу все прекрасно перевести с русского и с языка моей республики, но переводы должны быть сертифицированные, а это стоит вот таких огромных денег. Для меня, неработающей и живущей на иждивении худенького мужа, это большие деньги. Он вечно работает, устает, а денег не видит: то туда, то сюда, то кольца, то пломба у меня выпала (сто десять долларов), то я по неопытности маме прозвонила четыреста долларов (два-три доллара минута). Когда счет пришел, я ужаснулась, а муж еще больше.

Короче говоря (to make a long story short), только сейчас буду отсылать документы, и еще неизвестно, что скажут на собеседовании. Очень много фиктивных браков, и они тут, говорят, очень строго пытаются в иммиграционной служ-

бе. Неизвестно, когда дадут разрешение на работу, непонятно, как я найду работу. Я, конечно, умею обучать русскому языку американцев, но что-то пока я не встречала толпы желающих изучать русский. Так что сижу дома без работы, без машины, жара тридцать пять-сорок градусов (не очень-то пешком разгуляешься), и без денег к тому же.

Пешком тут никто не ходит. Идешь по улице – машины сигналият, останавливаются, предлагают ride (подвезти). А садиться в машины не рекомендуют ни муж, ни учитель из бесплатной школы, куда я ходила месяц. Туда утром меня муж перед своей работой подвозил, а обратно я шла пешком по жаре полчаса (на машине пять минут). In the neighborhood (по соседству) у них тут считается. Вот какая жажда к знаниям! Я себя прямо Ломоносовым чувствовала, когда гордо отвергала райды (rides) и брела по жаре домой!

Сейчас в школе каникулы, поэтому сижу дома, пишу письма маме, за четыре месяца не слышала русской речи, но вроде бы обещали познакомить с какими-то русскими. Общаться с американцами на дружеской ноге не могу, так как не знаю их жизни: их шуток, анекдотов, их тем для смеха. А могу лишь изъясняться. Намотайте себе на ус те, кто считает, что знает английский: у меня английская школа, университет и пять лет активной практики преподавания. И я могу только лишь изъясняться! Пишу и читаю очень хорошо, а вот с живым непринужденным разговором явно напряженка. Муж меня поправлять не хочет, ему лень, говорит:

«Я и так тебя понимаю». У меня всю жизнь был британский вариант языка – есть разница в значениях слов, произношении.

На днях мы были в ресторане вчетвером: мы с мужем и его знакомый с his girlfriend (его подругой). Так эта girlfriend меня утомила. Она так быстро тараторила какие-то анекдоты, рассказывала о жизни, потом с моим мужем у них оказалась куча знакомых в каком-то штате, в какой-то средней школе (high-school). В общем, я сидела полным идиотом (complete fool) и слушала ее приятное щебетание с моим мужем. Если учесть, что я ревнивый Скорпион (что ненавижу в себе всей душой, но ничего поделать не могу), а американка была на десяточек лет помоложе меня, то вы себе можете представить всю гамму моих ощущений! То есть полное неуважение к престарелым иностранкам со стороны этой girlfriend.

И вот сижу я сейчас ночью и пишу этот дневник, и мне грустно-грустно на душе. Сколько ждать своего узаконивания здесь, работы и машины? Машины здесь дорогие. Све-кровь недавно купила девятилетний «Форд», хороший, правда; как новенький, дороги-то у них отличные – четыре тысячи. Но так как у нее налички было только две, то пока она выплатит остальные две, с процентами получится пять тысяч. А у меня в стране пропали в банке две тысячи баксов (bucks). Это очень популярное слово здесь для доллара, впрочем, как и в России. Кризис, конечно, у всех пропали. Но ведь все-то у себя дома, при работах, а я! Мама волнуется, когда-то она

меня увидит. А я вот тут сижу без дела. Хоть бы какую подругу русскую найти – потрепаться по телефону, поплакаться в жилетку иногда! Но нет пока ни подруги, но той заветной жилетки. И вот сижу я и беседую сама с собой.

Вот такие не очень-то веселые записки веселой учительницы английского языка...

Август, 1995 г.

2

Сейчас я тут уже семь месяцев. Воды после моей первой главы утекло немало, и у меня все изменилось. Хотя документы еще в процессе оформления, но, как выражался наш бывший президент, процесс пошел! Мы с мужем переехали из неудобного «общежития» с иранцем в более престижный район и живем теперь в apartment, что буквально соответствует русскому слову квартиры, но реально понятия мало совпадают. Наш apartment двухэтажный, с двумя входами с противоположных сторон и примыкающим гаражом на две машины. Один вход из гаража, а второй в сторону бассейна, куда можно прямо-таки бросаться (или в джакузи), если есть настроение куда-никуда броситься.

Муж оказался на все руки, handy, по-английски, дословно, рукастый. А ведь вырос без отца. Все что-то мастерит, какие-то крючки ввинчивает, что-то в гараже делает. Не муж, а клад какой-то. Сроду таких мужей не видала. Только мой отец (он умер, когда мне было девять месяцев, был такой, по рассказам мамы). Ни по каким друзьям его не тянет, как это раньше бывало с его предшественниками. Не пугайтесь, их было не семь, ведь я не Элизабет Тейлор. Два: и всенеподобные.

Я опять стала ходить в школу, все в ту же. Школьные власти (school authorities) помогли мне здесь с оценкой моего

инъязовского диплома. Теперь у меня есть его американский заменитель, где написано: что я бакалавр искусств, филолог и переводчик. В русском – преподаватель английского. Но, видимо, тут они не могут назвать русского человека преподавателем английского, в англоязычной стране. Еще одна приятная перемена. Я как-то съездила в русскую церковь и познакомилась там с милостивой американкой Лизой двадцати восьми лет, чья специальность после окончания университета в Калифорнии, русский язык. Я стала давать ей уроки русского. Теперь она говорит очень бойко. Она для меня словно маленький островок России, поэтому не могу не посвятить ей несколько строк. Лиза десять месяцев училась в Москве, очень любит свою специальность и все, что с нею связано, то есть Россию, русских людей и даже русскую еду. Мой муж, например, ест только пельмени из русской кухни, да и то почему-то с красным соусом, да плов изредка. Всякие борщи, щи, винегреты – не заставишь. Он обычно попробует и со словами «Ой, как вкусно!» оставляет все доедать мне. Сама русская – сама, мол, и ешь. Как и все американцы, он обожает hot-dogs, всякие стэйки с гамбургерами и разнообразные, отвратительные на мой вкус cornflakes, сладкие хлопья (кукурузные и всякие).

Вернемся же к Лизе. Она – замечательный, добрый, открытый и умный человек. С семнадцати лет за рулем, как и все они тут. Самое удивительное это то, что она буквально бредит Россией, мечтает замуж выйти за русского. Однажды

мы с ней съездили в West Hollywood (в России его называют почему-то Голливудом, но я предпочитаю не искажать произношение насколько это возможно).

West Hollywood, Западный Голливуд, что в пригороде Лос-Анджелеса или Голливуда, как хотите. Там живет много евреев из России, их язык – русский. Один владелец магазина хозяйственной утвари спросил у Лизы: «Ну что же там такого интересного в России?» Лиза ответила, неожиданно заикаясь от прямого вопроса и волнения: «Ну, здесь как-то скучно, а там приключения». На что он, бывший одессит, ответил: «Мы так навеселились там, что больше не хочется». И еще он в беседе с нами сказал, что это правильно, что мне не давали гражданства в моей прибалтийской столице (а также и десяткам тысяч других русских), хотя я и родилась там, и жила всю жизнь. И тогда меня посетило сомнение: а стоит ли с ним вообще говорить о России? Пусть себе живет дальше со своим хилым бизнесом в не очень чистом районе в своей вновь приобретенной родине. Я считала и буду считать, что человек автоматически гражданин той страны, где он родился (а то какой же еще?). Слава Богу, что так кстати считает и большинство цивилизованного человечества.

Ох, что это я в политику вдруг залезла, ведь не хотела же. Итак, Вест-Холливуд заслужил, чтобы о нем рассказать, особенно русским, не бывавшим в Калифорнии. У них явно понятие Холливуд связано с блеском, роскошью и богатством.

В реальности здесь, в районе Западный Холливуд, живет, как я уже сказала, много евреев из России. Живут они своим маленьким мирком. Магазины полны русской едой, русскими книгами. Маленькая пятикопеечная книжонка советского времени стоит доллар, а то и больше. Там звучит русская музыка, что довольно странно здесь в Америке. Каждый делает свой маленький бизнес как может. Аудио и видеокассеты очень некачественные. Мне было жалко Лизиних денег, когда она купила видеокассеты с фильмом «Ирония судьбы...» Я спросила продавщицу, почему кассеты такие короткие по времени. Я сказала, что я из Прибалтики, и у нас там обычно трехчасовые кассеты. На это она мне гордо парировала: «А я из Лос-Анджелеса, и у нас тут то-то и то-то». И меня заинтересовало, сколько же надо прожить в ЛА, чтобы так хвалиться этим, продавая отвратительный товар. Оказалось, три года. И на английском, по ее же оценке, она говорит плоховато... А вот поди ж ты «Я – из Лос-Анджелеса». Еще Лиза купила аудиокассету Наташи Королевой, и, когда, приехав, мы эту кассету прослушали, мне стало стыдно за русских из ЛА, т.к. кассета была всего сорок минут две стороны, а стоила шесть с половиной долларов. Rip off, сказали бы американцы, обдираловка.

И еще пару слов о понятии «Голливуд». Дабы не вводили себя в заблуждение те, кто считает, что это центр кинопромышленности. Так было в двадцатых годах. Теперь вышеупомянутый центр находится совсем в другом пригоро-

де ЛА, Бурбанк, Burbank, и называется в дословном переводе «Универсальные студии» (Universal Studios). А-то тут читаю недавно в местной газете на русском языке, выпускаемой в Вест Холливуде (Западном Голливуде): «Мой друг владеет замечательным рестораном „Санкт-Петербург“ в центре Голливуда». Так вот, в этом ресторане я имела несчастье один раз отобедать со своей свекровью. Он уступает по всем пунктам любой американской закуской (обслуживание, гигиена, интерьер). А громко звучащее «центр Голливуда» не что иное, как центр русского Вест Холливуда. Мы отведали там русской еды в гордом одиночестве и ушли. Пусть простят меня местные русские, но только они его и посещают. Так что не надо нас дурить, как говаривал мой дядя, женившийся на украинке.

Подруги, звонящие сюда из моей прибалтийской столицы, как сговорившись, спрашивают: «Нет ностальгии?», на что я им прямо отвечаю: «Нет!» Они имеют в виду полное погружение в англоязычную среду. Английский язык я люблю с детства и до сих пор им восхищаюсь. Переизбытка от общения не чувствую, так как часто пишу маме длинные русские письма. Общаюсь с Лизой по-русски и еще с одной знакомой, которая недавно сюда приехала.

От общения с мужем или в школе устать трудно, так как оно лимитировано. В школе я нахожусь четыре часа в день, из которых активной работы, хорошо, если два. Остальное время балагурю с учителем, делюсь новостями, задаю вопро-

сы, пишу письма. Уровень группы для меня низковат, но занятий не бросаю, так как преследую тайную цель здесь работать. Иногда мы с мужем ходим куда-то ужинать. Американские рестораны и бары очень сильно отличаются от русских. Во многих не танцуют (в тех, куда он меня водит). Хотя раз были там, где танцевали. Одна японского вида пара зрелого возраста так красиво танцевала, что у меня не возникло никакого желания с ними соревноваться. Главное отличие не в интерьере или кухне, а в людях – они почти не пьют алкоголя. То есть, пьют, но мало, и в основном пиво. Хотя всякими водками и «висками» завалены магазины и бары.

Кстати, о моей школе. Школа бесплатная, для взрослых. Хожу я туда, чтобы не сидеть дома и вдруг узнать что-то полезное. А полезного много, так как все здесь по-другому. То, что я раньше знала из учебников и из практики преподавания английского, оказалось лишь надводной частью того айсберга информации об англоязычной (тут – американской, калифорнийской) культуре, в которой оказываешься здесь. Учитель-иранец, но не тот, с которым муж делил дом. Этот выгодно отличается от того наличием хорошего образования. Живет здесь уже двадцать пять лет. Ему сорок восемь. Среднего роста, лысый, белозубый, жизнерадостный и в хорошей спортивной форме (два раза в неделю едет в зал с тренажерами, gym). В совершенстве знает английский и испанский. В классе много народу – человек двадцать или больше. В основном это латиноамериканцы (тут это мекси-

канцы в подавляющем большинстве), один древний китаец (восемьдесят три года) и я. Учитель когда-то в университете изучал немного русский. Он изъявил желание пополнить свои познания нецензурными русскими выражениями, дабы удивить своего русского друга из Чикаго. Я добросовестно написала ему наиболее употребительные слова и выражения, ровно одну страницу. Он пришел в жуткий восторг, особенно, когда он своего друга из Чикаго (иммигранта из Латвии) назвал по телефону трехбуквенным словом, наиболее полюбившемся ему. Тот чуть не умер со смеху, спросив: «Откуда такие познания?» Мой учитель ответил, что у него в классе есть русская учительница.

Между учебой, которая проходит по рабочим дням, примерно с девяти до часу, устраиваются вечеринки (parties). Русский перевод не вполне соответствует значению слова, так как эти parties тут устраивают в любое время суток. У нас в школе они, конечно, проходят в учебное утреннее время. Весь класс приносит кто что поесть. Поесть любят все народы мира. Я, конечно, как водится, всегда пытаюсь правду-матку высказать по всем вопросам. Ну да ведь от Прибалтики очень далеко до Латинской Америки, так что и правды у нас разные. И разделяет нас не только расстояние, но и культура, обычаи, буквально все. Поэтому они обычно удивляются моим смелым суждениям. Впрочем, все очень доброжелательные. Одна никарагуанка, правда, вредная попалась: «У вас такой русский акцент, и вы так быстро говори-

те!..» (Впоследствии я научилась отвечать на такие выпады: «Я русская и акцент у меня русский, вы мексиканцы, и акцент у вас испанский.») Мать моего мужа, например, из Перу, и говорит по-английски с испанским акцентом. Она живет в Калифорнии тридцать пять лет, и что-то там корректирует на работе испанско-английское. Когда муж меня представил ей в первый раз, я спросила, замечает ли он, что у матери акцент. Он сказал: «Нет, я привык». А бабушка его почти не говорит по-английски. Ей восемьдесят четыре года. Они едва объясняются, но очень любят друг друга. Мне было очень приятно, когда она сказала мне через переводчика (дочку), что еще никогда не видела своего внука таким счастливым. А свекровь говорит, что мы с ее матерью во многом схожи. Значит, получается, что она мне симпатизирует. Дело в том, что тут все живут отдельно друг от друга и занимаются своими проблемами, не вмешиваясь в дела родственников. Поэтому, когда встречаются по праздникам, как бы все всех любят.

Недавно темнокожий директор школы попросил меня написать небольшую статью в школьную газету о своей стране, о себе, о русских. И я написала, после чего все школьные власти стали звать меня по имени. Кстати, испанцы произносят мое имя «Соя», т. к. в испанском языке нет звука «з». Это мне напоминает соевый боб. Я тут у них единственная русская. В письме, прикрепленном к моей переснятой статье, директор написал: «Мы счастливы (we are lucky) оттого,

что у нас есть такая студентка. Вы – замечательная, и мы желаем вам всего самого наилучшего!» Статья вышла на печатную страницу. Обо всем понемногу: о себе, о Прибалтике, откуда я родом и которая оказалась мачехой, о русских. Ведь американцы здесь, в Калифорнии о русских, ничего не знают. Я пока не знаю, как там в других штатах с этим дело обстоит. Но для справки: Калифорния самый густонаселенный штат в Америке. Населения тут около двадцати восьми миллионов. (В штате Нью-Йорк восемнадцать миллионов.) В летней школе, при колледже, где я училась две недели, когда сюда приехала, учитель, пятидесятилетний американец, как-то раз завел беседу о разных национальных чертах. В нашей группе было шесть человек, и он выразил свое мнение об их нациях. Там был итальянец, испанка из Мадрида, японка, немец из Австрии и т. д. Когда я его спросила, почему он умалчивает о русских, он ответил: «Вы полная противоположность нашим стандартным представлениям о русских. И вы, кстати, первый русский человек, которого я встречаю в своей жизни». Так что стандарт, навеянный «холодной войной», до сих пор глубоко сидит в американцах. Может быть, те немногие, что посещают Россию по делам бизнеса, и знают больше о ней. И я иногда думаю, как хорошо, что хотя бы немногим из них я могу рассказать о России нечто отличное от стандарта: «ракеты, водка, балалайка, спутник»...

Декабрь, 1995 г.

3

Да, время летит очень быстро. Я знаю, звучит банально, но факт. Через месяц будет ровно год моей американской жизни, а через два месяца годовщина нашей свадьбы с Майком. Надоело мне, безмашинной, вечно от него зависеть. И я начала «автобусную жизнь».

Что касается общественного транспорта, то в Калифорнии с этим делом туговато. Здесь есть так называемый Метролинк, который муж нелюбезно окрестил Метростинк (можно подумать, он когда-то им пользовался). Кто знает английский, поймет непривлекательность термина. Это что-то типа электрички. Это дорогое удовольствие, что-то около восьми – десяти долларов одна поездка туда-обратно. Да и ходит этот Метролинк только по определенным маршрутам, далеко не охватывая все районы. Второй, и последний, вид «паблик транспортэйшн» – это автобус. Народу там обычно мало (в тех маршрутах, что езжу я). Музыка на всю катушку, так же как и кондиционер. Бывает даже холодно. Стоять в автобусах не только не принято, но и не разрешается. Да и некому стоять-то. Поэтому сидишь себе и занимаешься своими делами. Например, я в автобусах всегда читаю или пишу письмо маме.

За несколько месяцев я так наострилась ездить автобусами, что мне теперь сам черт не брат. Расписание-книга

в мягкой обложке с картой автобусных маршрутов посередине стало необходимым атрибутом моего небольшого портфеля. Второй экземпляр расписания в спальне, в изголовье постели, по соседству с Ильфом и Петровым, для поднятия настроения, и Агатой Кристи, как снотворного. Расписание в спальне мне нужно для того, чтобы, проснувшись поутру, быстро сориентироваться: куда и во сколько.

Автобусы не балуют пассажиров короткими интервалами между прибытиями. Обычный интервал – один час. Бывает и полчаса, ну тогда я думаю, что они прямо-таки зачастили. Например, в свою школу я еду с одной пересадкой. Чтобы пересест в другой автобус, надо перебежать оживленную улицу к другой остановке. Бывает, стоишь, ждешь зеленого сигнала светофора, и видишь, как на твоих глазах вожделенный автобус, нахально вильнув хвостом, спокойно отошел от остановки. Хочешь, возвращайся домой. Хочешь, сиди и жди следующего. Два выбора, как говорят американцы. Обычно я склоняюсь к последнему. Сажу на остановке, опять пишу, читаю. Или можно сходить в магазин, убить время.

Первое время я садилась недалеко от водителя и вела с ним светскую беседу о моем маршруте. Теперь же я вхожу в автобус, хайкаю (говорю «привет», «хай»), говорю «трансфер» (пересадочный талон), сыплю мелочь в автомат или даю ему в зубы (автомату) доллар и получаю свой трансфер. Если я еду без пересадки, то называю свой маршрут и пла-

чу на десять центов меньше. Сдачи водитель не дает, у них не принято, как в Грузии в советские времена.

В последнее время я пыталась встречаться с разными советниками по проблемам студентов в разных университетах. В основном, на предмет, волнующий меня сейчас больше всего: как получить соответствующую квалификацию, чтобы преподавать русский. Даже сдала один экзамен, который нужен для получения прав на преподавание. Он состоял из трех частей: понимание текстов, математика, и два сочинения.

Продолжительность экзамена четыре часа, за которые я успела написать только две первые части. Третью, сочинения, пришлось сдавать отдельно. В одном сочинении что-то попало про взгляды американцев на политику (какие взгляды, если я тут всего год), но я привела в пример взгляды мужа, а в заключении незаметно польстила американцам вместе с их взглядами. Второе сочинение было про личные переживания. Ну это вообще любимый конек, как, наверно, и у любой женщины. Жаль было места мало – ограниченный объем. Так что сдала и сочинения. Если, например, не сдал, ходи хоть десять раз сдавай, знай себе плати сорок долларов каждый раз.

Народу было на экзаменах оба раза около тысячи. И все это в одном огромном зале. Правда, организовано все очень хорошо, без сутолоки. Та школа, в которую я ходила, хотела взять меня на работу, преподавать английский как вто-

рой язык. Но не смогла пойти против закона. Ведь на моих бумагах написано «недействительно для трудоустройства». Черным по белому. Так моя эпопея с поисками работы пока и закончилась. Правда, я все время размещаю объявления, где только можно, о том, что я страшно выгодный частный учитель русского, прямо находка. Но что-то пока не видно охотников до русского. Хотя один нашелся. С ним особая история.

Пошли мы как-то с мужем в ресторан, не танцующий, а только пьющий пиво и жующий. Сели в баре и разговорились с соседом за стойкой. Было это через пару месяцев после моего приезда в ЛА. Этот сосед сообщил, что он переписывается с русской. Мы с ним разболтались, и он попросил меня написать пару теплых слов о том, как он выглядит, его корреспондентке в Россию. Ну я чирканула – жалко, что ли, для хорошего человека. Потом, оказывается, он звонил нам домой и просил что-то перевести на русский язык. Мой муж, видно, был не в настроении и что-то ему загнул насчет стоимости перевода. Тот обиделся на суровое обхождение и больше не звонил. И вот уже совсем недавно, пару месяцев назад, его знакомый сорвал для него объявление в супермаркете с моим номером телефона. Оказалось, что мы уже с ним знакомы. Он уже за это время успел съездить в Россию к своей корреспондентке, в Сибирь, в один промышленный город. Там он быстренько ее полюбил (с первой женой у него был горький опыт – та была ему неверна), затем вернулся к себе

домой в Калифорнию и решил поизучать русский язык, пока ждет свою невесту. Взял несколько уроков у меня. Она приехала, ему стало не до учебы. А жаль! Студент был хороший, особенно потому, что единственный.

Как-то раз мы с ним и его двумя дочками съездили в Вест Холливуд, в русский район. Он был страшно удивлен, что многие продавцы в магазинах по-английски вовсе не говорят. Удивляйся или нет, а им и без английского хорошо. Купил он русские аудиокассеты для своей невесты, покормил дочек пельменями и борщом в ресторане с приятным владельцем (плюс, менеджером и официантом в одном лице) кавказской национальности. Я с удовольствием съела просто картошку с просто селедкой и послушала Пугачеву. Хорошо! А-то авокадо, креветки, да тунна всякая, а по-нашему – «тунец». С этим тунцом они тут, конечно, достали. Они – это в частности мой муж. Жить на берегу океана и есть (и наслаждаться!) тунца из банки. Они, конечно, любят разнообразить тунца, приправив его сельдереем с майонезом (удовольствие ниже среднего), или добавив его в салат из овощей. Вот тебе и океан. Да у нас в Балтийском море от рыбы некуда было деться! Правда, акула тут очень вкусная. Я читала, не припомню у кого, что акула, дескать, несъедобная. Не верьте. Очень даже съедобная. Рекомендую попробовать, если представится возможность. Так вот, много ли русскому человеку надо для счастья? Селедка, картошка и русская музыка. А потом мы зашли в «Книжную лавку», где владе-

лец Игорь. Я говорю: «Почему журнал „Огонек“ такой дорогой, три бакса?» – и пожаловалась на безработицу. И тогда Игорь сказал: «Я никогда этого не делал, но для Вас сделаю». И подарил мне с дюжину календариков с иконами и сувенирами, а также замечательную книжицу «Русские застольные песни». Попеть я люблю, особенно «Окрасился месяц багрянцем». Ай да Игорь, ай да молодец! Мне как раз все это нужно было для международного дня в моей школе.

Полтора месяца назад в школе было «собрание вождей», как бы местком. Я там представляла свой класс. Объявили, что через месяц будем отмечать международный день, стали тянуть билетки с названиями стран. Мне попала Бразилия, а кому-то Россия. Мы обменялись. Итак, мой класс должен был показать Россию – культуру, костюм, танцы, национальную кухню, и т. д. В моей беспокойной голове стали рождаться идеи за идеями. Из одной мексиканки, у которой волосы были темно-русые, длинные и густые, я решила сделать русскую красавицу с косой, в сарафане и в кокошнике. Она, кстати, была очень миловидная. Из другой мексиканки, черноволосой, я решила сделать узбечку. Ну, отделились, ну распались, так что ж теперь, костюм виноват, что ли? Я с любовью расшивала бисером тибетейку для нее и вспоминала дружбу народов. Для себя я придумала костюм матрешки в коротком красном сарафане, чтобы сплясать что-нибудь лихое, русское. Тем временем я потихонечку стала собирать детали для всех этих костюмов. Мужчин я ре-

шила нарядить «Иванами» в рубахах навыпуск и разноцветных кушаках. Лицом они, конечно, не вышли в Иванов, так как все чернявые мексиканцы, да где же других взять, какие есть. Сшила я длинный русский сарафан, все руками (машинку еще не купили), обшила лентами, бисером. Сделала кокошник для «русской», тибетейку для «узбечки». Стала собирать материал для плакатов по истории и культуре России. Столько всего насобирала, что получилась цепь больших плакатов длиной метров шесть-семь: в картинках, картах России и Союза, флагах, рисунках, надписях... Перевела с русского двадцать анекдотов, которые учитель оценил как смешные, и поместила их в «Отдел смеха» на моих плакатах. Одолжила русские сувениры (матрешки-ложки) у своих бывших американских студентов, которые посещали Россию, Лизы и Дуэна. Научила свой мексиканский класс петь «Катюшу», аж два куплета. Хорошо получается, черт побери! И хоть они поют «Катуша», но все понятно, тем более что понимать некому, кроме меня. И все так мило звучит, с иностранным акцентом.

Никогда в жизни не пекла сама пирожки, только наблюдала, как это делала мама. Жизнь заставила. Ну, думаю, сейчас я за час-полтора и управлюсь. Куда там! Проторчала на кухне четыре часа. Но все-таки сделала сорок пять пирожков. Половину мужу скормила, а половину отнесла в класс с тайным умыслом: чтобы они попробовали и сделали ко дню презентации такие же. Та мексиканка, Юдит, для которой я сши-

ла русский сарафан, взялась. Она их принесла в назначенный день. Конечно, они у нее бледноватые получились и с начинкой что-то слабовато (картошка, да капуста бледно-непонятная). Но ничего. Они пришлись очень кстати на русском столе в красивых корзиночках. Хотя их почти не ели, видно, боялись, мол, кто ее знает, эту заморскую еду. Винегрета они точно боятся, потому что он красный. Они свеклу тут почти не едят. Пирожки я привезла домой. Муж стал их ломать в поисках мяса. Я сказала ему: «Милый! Не ищи ветра в поле, а мяса в мексиканских пирожках», (ведь у них богатые даже плачут), и подала ему просто мясо, есть вприкуску.

Во время подборки необходимого материала для плакатов из разных энциклопедий запомнилась мне одна картинка. Вернее, это была фотография в одной из американских энциклопедий, изображавшая русское застолье. За столом – небольшая семья из четырех-пяти человек, один мужчина в белой рубашке (коммунист, сразу видно). На столе какие-то закуски и между ними – бутылки, бутылки... вина, еще чего-то. Подпись под картинкой гласила: «Это русское застолье в семье коммунистического лидера. Русская еда не отличается разнообразием. В основном это овощи (корнеплоды)». Я едва удержалась, чтобы громко не расхохотаться (в библиотеке было тихо). Подумала, знали бы вы, энциклопедисты, что у наших коммунистических лидеров было на столах. Вам такого, наверно, и не снилось.

Презентация России прошла нормально. Как только но-

вые люди заходили в класс, мы принимались петь «Катюшу», раз восемь пели. Я бродила по школе в своем матрешкином костюме с красным бантом в косичке (косой ее называть, значит, сильно польстить), размахивала белым платочком и говорила, в зависимости от того, в какой класс заходила. Например, в «Китай»: «Ах, китайцы, да-да, наши соседи. Очень мило, очень хорошо, молодцы!» Директору и учителям очень понравилась наша русская экспозиция. А когда представитель из районной администрации спросила меня что-то о знаменитых русских яйцах работы Фаберже, я в панике стала шарить по своим плакатам в поиске яиц. Нашла-таки одно ма-а-ленькое на открытке. Ну, думаю, маху дала с яйцами. Дело в том, что в школе учатся мексиканцы, которые не только Фаберже, они не знают где Россия на карте.

Помню, когда мы жили в другом доме, туда приезжали два мексиканца – садовники, стричь газоны-кустики. Как-то один попросил закрыть собак в гараже – он их очень боялся. А собаки-то было безобиднейшие. (Тут в Америке – разновидности собак: девяносто пять процентов смирные, мухи не обидят, а пять процентов, если уж кусают, то сразу на смерть. О последних по ТВ рассказывают.) Одна из тех собак, где мы жили, была такса, которую муж звал неприятным словом за ее коротконогость, а вторая была как медвежонок, хорошенькая и совершенно не страшная. Так тот садовник, что со мной заговорил, очень удивился, узнав, что я

русская. Он сказал: «Вы такая белая, я думал, вы американка». Я прыснула со смеху и заметила ему, что темнокожих русских не бывает. Тут вообще много всяких казусов, смеюсь от души сама с собой. Иногда бывает, что то, что смешно мне, не всегда поймет муж. И наоборот. Это нормально. Чувство юмора, оно разное у разных народов. Надо хорошо вжиться в культуру, чтобы понимать все тонкости. Как-то раз одна молодая мексиканка, продавщица в дешевеньком продуктовом магазинчике, спросила нас с мужем: «Вы что, брат с сестрой?» Мы с ним разные, как небо и земля. Мы ей сказали, что мы муж с женой, что он – американец, а я – из России. Оказалось, что она вообще не подозревала о таких словах и понятиях, как «Россия» и «Советский Союз». Меня такое невежество настолько поразило, что я аж было чуть не расстроилась. Но потом я успокоилась, подумав, что есть же и вообще неграмотные люди на Земле.

Вчера у нас был семейный ужин в честь бабушки мужа Литы, которая приехала в гости из Аризоны. Лита по-английски не говорит. Так же, как и муж по-испански. Вот тебе и бабушка с внучком! Надо мне срочно учить испанский. Мне, как лингвисту, стыдно не знать мирового языка, которого полно тут, в Калифорнии.

До следующей встречи и берегите себя (Take care!).

Апрель, 1996 г.

4

В прошлой главе я обещала поделиться впечатлениями о свадьбе одной русской, которая приехала сюда по вызову ее американского жениха. Она здесь всего три месяца, нас познакомили американцы. Выполняю обещание.

На свадьбу здесь обычно приглашают нескольких подруг невесты. Они даже одеты в одинаковые платья. Но так как невеста только недавно сюда приехала, и подруг у нее еще не было, она пригласила меня одну в качестве подруги невесты. За пару недель до свадьбы был «душ» из подарков. Мы с мужем женились в спешном порядке в Лас-Вегасе, поэтому никаких душий у нас не было. Мы боялись известить его семью и расстроить наш брак. Так что посмотреть на такой душ для невесты мне было любопытно. Я тут уже одиннадцать месяцев, но до сих пор чувствую себя как на экскурсии – все-то мне интересно. Да и скучно жить, когда ничего неинтересно. А надо жить весело – ведь жизнь так коротка!

На невестином душе присутствовала невеста и двадцать пять – тридцать американок разных возрастов – от десяти до восьмидесяти лет. Эдакое бабье царство. Кроме меня и невесты там была еще одна русская, из Москвы. Она все время снимала на видеокамеру все происходящее, поэтому я с ней не пообщалась. Всем присутствующим заранее были разосланы официальные приглашения. Меня привезла туда

моя американская подруга Лиза, прилично говорящая по-русски. Она-то мне и скрашивала эти бабские посиделки. Все сидели большим кругом, горой были сложены подарки, и невеста должна была их по очереди разворачивать и хвалить. А все вокруг охали при этом, как мило, как прелестно. Перед открыванием подарков провели конкурс, состоявшийся из нескольких вопросов о предпочтениях невесты. Я ответила всех точнее и получила приз. Потом началось долгое разворачивание подарков, сопровождаемое одобрительными ахами. Мы с Лизой посидели пару часиков, попили лимонаду и уехали.

Цвета украшений, костюмов, оформления зала и так далее на свадьбе были темно-зеленый, персиковый и белый, конечно. Поэтому платье на мне должно было быть одного из этих цветов. Невестина «мать-в-законе» (таков точный перевод слова «свекровь» с английского mother-in-law) блюла точность всех тонов. Девушка я не самой первой молодости (хотя были и мы рысаками когда-то), поэтому склонялась к персиковому цвету для себя. Мне купили персиковое вечернее платье и такого же цвета туфли на высоченном каблучке. За день до свадьбы позвонили и пригласили на репетицию свадебной церемонии в церковь. Церковь – мормонская, т.к. свекровь ее посещает, хотя ничего такого, что я когда-то читала о мормонах, я там не увидела. Сама свекровь – симпатичная американка шестидесяти четырех лет, выглядит моложе. Муж и два сына, один из которых и женился

теперь на русской. В церковь меня попросили надеть что-то поскромнее, не джинсы и не мини-юбку. Поэтому я достала единственную в моем гардеробе длинную, за колено, юбку и являла собой достойный вид. Мы вместе с пастором, симпатичным высоким американцем в темном костюме и белой рубашке, а также и остальными участниками торжественной церемонии отрепетировали всю процедуру венчания. Особенно милым был маленький белокурый мальчишка лет шести, который должен был подать кольца на кружевной подушечке. Он эту несчастную подушку затрепал, я думала, что ей не дожить до свадьбы.

Первыми на сцене появлялись пастор, жених и лучший мужчина (дословный перевод с английского, это такая должность во время свадьбы). Бестмен был братом жениха и во время торжественной церемонии должен был меня сопровождать (единственную подругу невесты). Он входил первым в зал, за ним, одна-одинешенька, под взорами многочисленных гостей, под звуки торжественной музыки должна была прошествовать к сцене я, подняться по ступенькам и занять свое место рядом с лучшим мужчиной. За мной входила в зал и поднималась на сцену невеста.

В день свадьбы, собираясь, я что-то вся извелась, нервничала. Будто замуж выдавали меня. Богатое воображение рисовало в моей голове всякие дурацкие картины. То я спотыкаюсь на своих высоких каблуках и падаю в своем персиковом бархатном платье очень некартинно перед амери-

канской публикой, то еще что-нибудь случается из рук вон нехорошее. Состояние мое походило на то, что было у меня однажды в жизни, когда я пела с микрофоном со сцены клуба, состояние жуткой нервозности, когда ты готов провалиться сквозь землю, чтобы лишь только этого не переживать в данный момент. И еще так же сильно я нервничала, когда шла на первый в своей жизни урок для взрослых студентов. Кстати, тогда, придя домой с хорошо проведенного урока, я обнаружила, что у меня на джинсах разошлась молния. Когда это произошло, перед студентами, или по дороге домой, так и осталось исторической тайной. Дома я долго и нервно смеялась. Ну а в описываемый день свадьбы, мучимая всевозможными страхами, я наводила красоту. Ногти у меня не красились. Из окна было видно, как муж в бассейне весело болтает с молодой дородной девицей. Все, буквально все меня раздражало и было не так. Все-таки я собралась, причем намного раньше срока.

Муж меня привез в церковь и уехал, чтобы появиться попозже. Я ходила тигрицей по почти пустой церкви. Она и на церковь-то не похожа, так себе, клуб какой-то. Это, кстати, очень характерно для американских церквей. Наконец привезли невесту, и мы пошли с ней переодеваться. За ней бросилась толпа каких-то нянек-мамок помогать ей одеваться. Юбок на ней было немалое количество, и каждую надо было аккуратно расправить, чтобы «костюмчик сидел». Нарядив, ее повели фотографировать во всяких позах. Там бы-

ло двое профессиональных фотографов – мужчина и женщина. Фотографирование продолжалось в течение двух часов до церемонии. Это было долго и нудно. Вариациям не было числа. Фотографировали всех по отдельности, по парам, с мальчиком, без мальчика, с девочкой, без девочки, невесту на траве, невесту без травы, и т. д. и т. п. Казалось, это никогда не кончится. Мне хотелось снять свои персиковые туфли, забросить их куда подальше и ходить босиком. Я не представляла, как выдержу еще три часа. А невеста безоблачно улыбалась, как, собственно, ей и полагалось, будто ей все это до лампочки и даже нравится. Оказывается, она перед этим выпила успокоительную таблетку и ей действительно, видно, все, было до лампочки. А я вот, серая, не догадалась.

И вот, наконец, нас повели к заветной двери в зал. Настал мой черед выходить. Зазвучала музыка, открылись двери, и я медленно поплыла. Ничего, оказалось не смертельно. Поднялась на сцену и встала на положенное место. За мной пошла невеста. Медленно и с достоинством, в белом облаке своих воздушных юбок. А на репетиции, помню, она все галопом норовила. Встали мы все на сцене, и пастор начал свою недлинную речь. Минут через пять я совсем освоилась на сцене, и осторожно, не бегая глазами, стала осматривать зал. Нашла Лизу с ее русским ухажером. Нашла собственного мужа где-то в последних рядах, и потом стала рассматривать всех подряд гостей. Церемония прошла быстро, «не церемонясь». Лучший мужчина помог мне сойти по ступеням

сцены, и мы медленно, под звуки органа, пошли в зал для приема. За нами потянулись все остальные, стоявшие на сцене, потом родители мужа. Пройдя в соседний зал, мы опять все выстроились в ряд. И к нам, в порядке живой и очень длинной очереди, стали подходить все приглашенные, чтобы засвидетельствовать свое почтение и поздравить новобрачных. Их было человек двести, и казалось, что очереди не будет конца. Когда очередь доходила до нас с бестменом, он без усталости представлял меня всем их родственникам и знакомым: Хай! Бай! Рады познакомиться! Мой муж прихватил фотоаппарат, и мы решили воспользоваться случаем, пока мы приодетые, пофотографироваться. Ведь наши с ним фотографии из Лас-Вегаса, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Мы там мало спали, бродили всю ночь по казино, и получились наутро на нашей собственной свадебной церемонии с маленькими и сонными глазками. А ведь глаза, это наша с ним основная гордость, так как мы не очень фотогеничны. Я эти фотографии и не показывала никому. Так, держу для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.